

СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ*

Леонид ГРИГОРЬЕВ

ординарный профессор,
заведующий кафедрой мировой
экономики факультета мировой экономики
и мировой политики НИУ ВШЭ,
главный советник руководителя
Аналитического центра
при Правительстве РФ

Оικονομία • Πολιτικά

OIKONOMIA • POLITIKA

П р а к т и к а

1. Постановка проблемы

Общественные дебаты 2011—2013 годов в России выявляют глубокие (можно сказать — фундаментальные) проблемы страны: несовершенство государственного устройства (прежде всего коррупцию); авторитарность политической системы; слабость гражданского общества; нарастающую бюрократизацию в экономике; ужесточение законодательства и правового администрирования, направленного против бизнеса, и многое другое. Истоки таких дебатов лежат в достаточно широком недовольстве политиков, бизнесменов, интеллигенции — креативного класса — ситуацией в стране, внешними экономическими угрозами, потерей страной своего имиджа (в частности, резким падением многих международных рейтингов). Смысл дебатов во многом сводится к попытке склонить политическую и финансовую элиту к достижению определенного компромисса относительно путей развития страны, учитывающего потребности креативного класса как основы модернизации и инновационного развития для долгожданного перехода к этапу развитой демократической рыночной экономики, отсроченному на четверть века.

* Статья основана на докладе автора в рамках проведения Валдайского клуба в октябре 2012 года; см.: www.sigma-econ.ru.

Нынешняя дискуссия носит в гораздо большей степени политический характер — на фоне протестов, начавшихся с декабря 2011 года. Но дискуссия об институтах и трансформации шла давно и даже имела вполне оптимистичный настрой. Еще до кризиса 2007 — начала 2008 годов на фоне высокой цены на нефть, позволившей России выйти из глубокого переходного кризиса 1990-х годов, был создан цикл работ, который можно озаглавить по названию одной из ключевых из них: «Коалиции для будущего» [СИГМА, 2007, Григорьев, 2007; Доклад о состоянии делового климата в Российской Федерации, 2008; ИНСОР, 2009; Григорьев, 2010. С. 6—19]. Надежды были на широкую общественную коалицию (включая элиты) — на модернизацию. Задача мыслилась как единый процесс дальнейшей трансформации государства (что было принципиально для авторов), общества и экономики. Надежды эти в целом не оправдались. Шок от мирового кризиса и поиск внутренней экономической устойчивости в условиях падения ВВП на 8% в 2009 году, внутренние угрозы социальной устойчивости стали факторами, которые скорее затормозили, чем ускорили трансформацию общества в этом направлении. Пессимизм относительно трансформации, бюрократизация, падение качества институтов (формальных и неформальных) создали новую ситуацию, в которой фокус сместился к проблемам *отношений* общества и государства. Темы современной дискуссии о модернизации и будущем российской трансформации — это нарастающие внешние риски развития, неадекватность экономической системы потребностям современного инновационного развития. Если пять-шесть лет назад речь шла о модернизации экономики, то теперь мы вернулись к проблемам общества, государства и его институтов и к препятствиям для инновационного развития.

Речь, в принципе, идет о возможности модернизации в широком смысле, о присоединении России к устойчивым развитым демократическим странам «*в противовес*» «модернизации» как набору технократических решений для поддержания малоэффективной сверхцентрализации принятия решений. Последний вариант грозит постепенной утратой возможности опоры на креативный класс в силу его разочарованности, истончения (в том числе в связи с неудачными реформами образования) и эмиграции. Внешние угрозы в будущем предположительно остаются стимулом «принуждения элит к модернизации».

Литература в этой сфере весьма обширная, укажем лишь несколько работ: статьи «Институциональные ограничения, или Приживется ли демократия в России?» [Ясин, 2011] «Между модернизацией и застоём: экономическая политика 2012 года» [Мау, 2013]. В последней статье в известной мере получают развитие идеи В. Мау [Григорьев, 2010a]. Осмысленный выбор предпочтительного сценария экономического развития возможен лишь при наличии долгосрочной цели. Технократическую часть можно заимствовать из наработок ведомств и экспертного сообщества. Но цели и методы нуждаются не только

в одобрении правительства, но и в общественной поддержке. Отметим, что поставленные в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» задачи не будут решены к 2020 году. Они рациональны по постановке: *«Россия должна за это время отказаться от нефтегазовой зависимости и перейти на инновационные рельсы»*. Первый этап — подготовительный, в ходе которого в стране будет создаваться потенциал для развития, — продлится до 2012 года. На этом этапе будут приняты экстренные меры для улучшения демографической ситуации и ежегодного снижения инфляции до 5—6,5% к 2012 году, создана инфраструктура международного финансового центра в Москве, завершено формирование национальной инновационной системы. В ходе второго этапа экономика должна сменить статус с сырьевой на технологичную и наукоемкую. Как говорится в Концепции, будет совершен «рывок в повышении глобальной конкурентоспособности экономики на основе ее перехода на новую технологическую базу (информационные, био- и нанотехнологии), улучшения качества человеческого потенциала и социальной среды, структурной диверсификации экономики». Вопрос остается в отношении как ресурсов, так и — прежде всего — общественных институтов, обеспечивающих модернизацию.

Для обсуждения трансформационных проблем последних десятилетий характерна некая изолированность проблемы во времени. Каждый раз обсуждаемые острые проблемы (если они не представляют собой наследие советских времен) возникают как бы ниоткуда, обычно внезапно и непредвиденно, не имеют глубоких корней в самом базисе пореформенных экономических институтов, сложившихся интересов. Не хватает комплексного анализа — проблемы как бы являются порождением сознания отдельных групп, индивидуальных решений и ошибок, хотя проваленные реформы никогда не имеют «отцов» — как и проигранные сражения. Мы не претендуем на раскрытие всей сложности многоуровневого взаимодействия институтов экономики, государства и общественного сознания, но мы глубоко убеждены в том, что сложившиеся в России общество, экономика и государственные институты имеют свои корни в экономических институтах, сформировавшихся за последние четверть века, а не только в политической организации или в общественном сознании. Поэтому для обсуждения проблемы модернизации и рисков развития и трансформации страны до 2030 года (как было первоначально задумано) необходим максимально четкий диагноз. И наши нынешние проблемы в экономике являются уже наследием не только советского прошлого, но и «зависимости от траектории» четвертьвековых трансформационных процессов. Попытки описать современные проблемы так, словно они возникли внезапно, не имеют прошлого, порождены набором субъективных решений, слишком упрощают картину и в принципе преуменьшают сложность проблем и стоимость их решения. Подобно тому как граждане перестали оценивать действи-

тельность относительно «советских очередей», так и экспертам пора начать оценивать ситуацию относительно современных стандартов, а не ссылаться на прошлое.

В основных экономических программах с 2000 года по сей день много технократических аспектов и явно недостаточно внимания уделено стратегии институционального развития, в частности принципиальной постановке вопроса о типе экономики, проблемах собственности, правовой системе, будущем имидже страны. Если проанализировать российские официальные и полуофициальные экономические программы за 2000—2012 годы, то главное, что бросается в глаза, — насыщенность прикладными проблемами, а также множество технических деталей, параметров и индикаторов. Это не программы трансформации экономики страны, создания системы эффективных институтов рыночной демократии, а сборники актуальных министерских задач и планов работы.

Большинство экономистов единодушны во мнении по вопросу о значимости политических институтов и культурных факторов развития человеческого капитала в России. Является ли данный период «очередным этапом» трансформации или ее торможением (девиацией от модернизации), наблюдатель определяет по двум параметрам. Первый — оценка достигнутого, а второй — более четкая формулировка цели, поскольку нет успеха вне цели и критерия («вне наблюдателя» с его интересами). Мы должны прокомментировать один важнейший элемент следующего утверждения: «На этом этапе ключевыми являются проблемы «третьего поколения» трансформации — проблемы развития человека, инвестиций в человеческий капитал, а также задачи развития и совершенствования политических институтов. Главными теперь становятся не проблемы макроэкономики (они в основном «пока решены») и *даже не экономические институты (они уже в основном сложились)* (курсив мой. — Л. Г.)» [May, 2005]. Конечно, экономические институты сложились к 2005 году, возможно, они несколько изменились (не факт, что к лучшему) к 2012 году, но они не адекватны потребностям страны в развитии и модернизации, как и политические институты или развитие общества (в какой степени — требует отдельного обсуждения).

Обсуждаемые перспективы экономического роста страны на перспективу двух ближайших десятилетий критически зависят от непрерывности роста (не должно быть тяжелых кризисов или длительных стагнаций), что определяется именно качеством экономических и правовых институтов, социально-экономической устойчивостью, предъявляя серьезные требования к государству, обществу и элитам.

2. Будущий мир и внешние риски

Развитие российской экономики до 2030 года охватит три президентских срока. Внешние факторы (нефтяные цены и финансовые труд-

ности в мире) в той или иной степени предсказуемы на ближайшие три-пять лет, но риски колебаний и внешних шоков со временем будут только расти. Для страны с такой территорией, населением, внутренними дисбалансами, бюрократизацией постоянное воздействие многих отрицательных факторов в совокупности опаснее, чем тот или иной конкретный фактор, для преодоления отрицательных последствий которого можно провести направленную мобилизацию сил и средств.

К 2030 году общая мировая повестка дня будет смещаться в направлении борьбы с глобальными проблемами человечества. *Необходимо искать методы адаптации к будущему с учетом нашего стартового состояния и наших ресурсов.*

Эксперты прогнозируют достаточно высокие цены на нефть на весь период до 2030 года, поскольку полагают достаточно угрожающими тенденции развития при наличии нефтяной ренты (третий внешний шок без ренты — это отдельный макроэкономический сценарий). Основной вариант оценки будущего роста предусматривает увеличение цен на нефть к 2030 году (как большинство мировых прогнозов) до 140 долл. за баррель в среднем за год, а менее оптимистический — нахождение цен в пределах сегодняшней средней, в 95—100 долл. (при сохранении возможности опасных краткосрочных колебаний) [ИНЭИ РАН, 2013].

Общие темпы мирового роста в обозримом будущем будут ниже темпов докризисных 2000-х годов — ближе к 1980-м годам (табл. 1). Подъем 2000—2008 годов в мире был выдающимся явлением, повторить которое будет трудно. 2012—2030 годы, видимо, окажутся переходным периодом в мировом развитии. В ближайшие десятилетия применение передовых (но уже используемых глобально) технологий (в частности, энергетических) будет быстро расширяться, меняя состав накопленного физического капитала. Тенденции определяются и становятся ясны уже сейчас, и уже можно отличить устойчивые (на поколение) долгосрочные тренды от кризисных и конъюнктурных явлений. Но мировая экономика в 2030 году все-таки останется больше похожа на экономику 2010 года, чем 2050 года, по той простой причине, что

Т а б л и ц а 1

Прирост ВВП по группам стран, 1981—2012 годы
(накопленный прирост за отдельные периоды)

	1981—1990	1991—2000	2001—2008	2009—2012
Мир	39,0	37,1	36,7	12,2
Развитые экономики,	38,4	32,1	18,1	2,3
в том числе ЕС-27	26,2	24,9	19,3	−0,9
в том числе США	37,6	39,7	17,3	3,3
Развивающиеся экономики,	40,3	46,7	66,8	23,5
в том числе Китай	143,1	169,8	124,6	42,1
Россия	—	−32,8	66,3	3,9

Источник: МВФ, база данных за апрель 2013 года.

несколько процентов ВВП, вкладываемых ежегодно в модернизацию основного капитала, сооружений и потребительских товаров, не способны резко изменить характер накопленного мирового капитала.

Мировая динамика будет разнонаправленной: на одной стороне страны ОЭСР, а на другой — Китай, Индия и часть развивающегося мира (см. табл. 1). Страны БРИКС пережили стадию чисто политического символизма и будут искать возможности реального взаимодействия [Григорьев, Морозкина, 2013]. Остальные страны будут решать свои задачи в сложной конкурентной борьбе с потоком дешевых товаров из быстро развивающихся, но всё еще бедных стран, а также сложных дорогих технологий из развитых стран. Первый поток препятствует новой индустриализации среднеразвитых стран (включая Россию), а второй — постиндустриальному развитию на базе собственного производства сложных технологий и услуг.

Продолжится смещение массы ВВП и, соответственно, потребления из Америки и Европы в Азию. В мировой структуре общества значительно возрастет доля среднего класса стран Восточной Азии и Тихоокеанского региона. Согласно прогнозу ОЭСР с 2009 по 2030 год доля мирового среднего класса в странах Восточной Азии и Тихоокеанского региона вырастет с 18 до 66%. Более половины мирового среднего класса будет проживать в странах Азии, прежде всего в Китае и Индии, здесь же будет сконцентрировано более 59% от общего объема потребления, приходящегося на мировой средний класс. Доля развивающихся стран в приросте мирового ВВП будет продолжать увеличиваться, и определение «развитая страна» претерпит изменения. Структура мировой экономики будет постепенно трансформироваться в направлении развития и внедрения сберегающих технологий, экономического жилья и транспорта, рециклического использования материалов и отходов, создания более массовых услуг и стандартов под воздействием требований социальной справедливости в развитых странах и роста образования и спроса на новые стандарты жизни в развивающихся странах. Мировая ресурсная база может и не выдержать такого напора спроса — потребуются много усилий в агрокультуре, рациональном использовании океана, перестройке транспортных систем.

Оценки будущего российского экспорта и доходов базируются на том предположении, что физический объем экспорта углеводородов, металлов и других продуктов будет востребован, несмотря на снижение энергоемкости стран ОЭСР. Рациональное поведение в части бюджетных проектировок — придерживаться консервативных оценок по ценам на нефть. Текущее состояние мировой энергетики и при медленном росте в странах ОЭСР в какой-то степени обеспечивает сравнительно высокую ренту на ближайшие годы. Но в долгосрочном плане важно быть весьма осторожными. Принципиальная характеристика прогнозных расчетов заключается в том, что мы не знаем точно будущую цену нефти в условиях революционных изменений в мировой энергетике, которые уже начались.

К 2030 году в мире сложатся иные критерии конкурентоспособности стран и оценки качества жизни, инвестиционного климата и имиджа. Национальные условия часто создают труднопреодолимые препятствия для развития: гражданские, религиозные и национальные конфликты; коррупция и неэффективность государства, недостаточный уровень образования или слабость институтов гражданского общества (для среднеразвитых стран).

Человечество испытывает кризис устойчивости и государственного управления, который обеспечивал бы согласованное принятие решений и их реализацию при сохранении национального суверенитета и в условиях невозможности прямого контроля или создания «мирового правительства». А проблема глобальной устойчивости — это тест на способность международного сообщества начать решать глобальные проблемы в течение двух десятилетий — прежде чем издержки человечества окажутся слишком высокими.

Динамичное развитие мира будет в значительной мере отражать внутренний характер эволюции больших группировок стран, их политических и социально-экономических институтов, целей развития, ресурсов и степени эффективности всего воспроизводственного комплекса. Большие «скачки» на базе «внезапно открытых» ресурсов уже маловероятны. Научно-технический прогресс будет выражаться не столько в росте объемов ВВП и производства, сколько в повышении эффективности. Эпоха технологической революции предполагает в большей степени качественные, нежели количественные изменения. Свободных пространств и ресурсов остается все меньше, стратегическое планирование, эффективность управления ресурсами и их использование становятся ключевыми факторами развития стран. В современном мире мало осталось «белых пятен», «ничьей земли», неучтенных (или «бесхозных») ресурсов, неизвестных интересов или мотивов.

Среди критических вопросов, касающихся экономического роста в России в будущем, есть немаловажный, хотя и редко обсуждаемый — вопрос о военных расходах. Прошло четверть века с окончания «холодной войны». «Мирный дивиденд» стал важным фактором экономического роста в 1990-е годы — особенно в США. На какой-то период чувство безопасности переключило внимание человечества на очень серьезные общие проблемы. Без специфического периода 1990-х годов, возможно, не было бы «Целей развития тысячелетия» ООН 2000 года, не было бы серьезной дискуссии и консенсуса по поводу смягчения политического климата (1992 год и далее). Поворот в общественном мнении развитых демократий к традиционным ценностям — в сторону большего социального равенства и прав человека — тоже результат решения тех острых политических проблем, которые три четверти века (с 1914 по 1989 год) терзали Европу. Во многом это стало результатом исчезновения «коммунистической» военно-политической и идеологической угрозы. Но разоружения не последовало — как и сближения разнородных мировых элит. С 11 сентября

2001 года страны и мир в целом стали довольно быстро переориентироваться на защиту своих непосредственных интересов.

В табл. 2 отражено сокращение военных расходов за период с 1988 по 2000 год («мирный дивиденд») и их значительный рост к настоящему времени. Мир явно не разоружается — мир перевооружается: технологически, при помощи создания различных специальных технологических средств. Области обеспечения безопасности расширяются, охватывают все больше сфер, включая энергетику, информатику, кибернетические угрозы и т. п. Оказалось, что в XXI веке сохранились экономические интересы стран, финансовых элит, стойкие предпочтения политических элит, фантомные боли истории, вдобавок буйно расцвел терроризм и произошло шокирующее изменение баланса сил.

Т а б л и ц а 2

Военные расходы, 1988, 2000, 2012 годы

	Млрд долл. 2011 года			% ВВП		
	1988	2000	2012	1988	2000	2012
США	558	394	669	5,7	3,0	4,4
Великобритания	58	48	60	4,0	2,4	2,5
Франция	70	62	63	3,6	2,5	2,3
Германия	68	51	49	2,9	1,5	1,4
Япония	46	60	59	0,9	1,0	1,0
Китай	18*	37	158	2,5*	1,9	2,0
Индия	18	28	48	3,6	3,1	2,5
Бразилия	22	25	37	2,1	1,8	1,5
Россия	371**	33	91	15,8**	3,7	4,4
Израиль	16	14	16	17,7	8,0	6,2
Саудовская Аравия	21	27	54	15,2	10,6	8,9

* Данные за 1989 год; ** 1988 год — СССР.

Источник: SIPRI.

По сравнению с расходами других стран российские военные расходы не выглядят столь значительными, как в прошлом. Эта работа не затрагивает вопрос достаточности оборонных усилий нашей страны. Но стоит упомянуть серьезную внутреннюю российскую дискуссию, касающуюся выбора между ростом расходов на силовой блок и резкой нехваткой вложений в человеческий капитал. В долгосрочном плане необходимо развитие рыночных механизмов сложных производств, поскольку в противном случае возможности для оборонных расходов будут ограничены.

3. Осмысление пройденного

Весьма заметно различие подходов к реформам российских властей по сравнению с экономистами, бизнесменами и многими внешними наблюдателями. У первых — преимущественно технократические

шаги и частичные («министерские») реформы по секторам экономики, у вторых — попытка решения институциональных проблем. Россия не завершила свой путь к развитой рыночной демократии. Однако падение скорости изменений самого базиса рынка означает, что российская трансформация от плана к рынку практически завершена, хотя в очень узком, специальном смысле слова — прекращения изменений в основных институтах.

Но российский капитализм сформировался весьма специфическим — не таким, как ожидалось на старте реформ четверть века назад. Элиты, гражданское общество, граждане в целом, внешние наблюдатели скорее недовольны состоянием рыночной экономики страны, государства и общества. По достижении определенного рубежа восстановления благосостояния (во многом за счет нефтяной ренты) недовольство сложившейся ситуацией вернулось — но уже при более высоком уровне запросов общества.

В России в 2000—2007 годы на росте нефтяной ренты удалось увеличить личное потребление (но при громадном неравенстве), стабилизировать бюджет, поднять пенсионные, оборонные и социальные расходы государства. Мировой кризис также удалось пережить без острых потрясений, так что ВВП 2012 года ненамного выше уровня 2008 года и всего на несколько пунктов выше 1989 года. Личное потребление намного превысило уровень 1989 года, но при резко возросшем неравенстве. Государственные расходы вышли на уровень четверти века назад, но инвестиционная яма 1990-х годов не преодолена; и общие вложения, и особенно капиталовложения в обрабатывающую промышленность и науку остаются намного ниже советского уровня. За время кризиса структура производства и экспорта еще больше упростилась.

В следующие десятилетия Россия будет испытывать определенные трудности — как с рабочей силой в связи с демографической ситуацией, так и с поддержанием инфраструктуры [Гурвич, 2013]. *Норма накопления в РФ (21% ВВП) недостаточна*, несмотря на колоссальные потребности страны в обновлении инфраструктуры, в инвестициях в новые технологии, в развитие и адаптацию к будущим мировым задачам. Широкое владение акциями, частный кредит, малый бизнес, конкуренцию, многие другие важнейшие параметры нормального рынка не удалось развить до уровня, соответствующего европейским странам с величиной дохода порядка 17—20 тыс. долл. на душу населения.

Но наряду с этим широта охвата образованием в стране за последнее десятилетие выросла — из 100 млн жителей страны старше 15 лет законченное высшее образование имеют 24,8%. Этот уровень выше, чем в большинстве развитых стран, и ему должны соответствовать высокие стандарты политического процесса, государственного управления, развития гражданского общества. Так что в нашей стране чуть не вдвое больший процент лиц с высшим образованием, чем во многих развитых странах (при вдвое меньшем показателе ВВП на

душу населения (17 тыс. долл.), чем, например, в ведущих странах Европейского союза).

Социальное неравенство за 2000-е годы усилилось, а вертикальные лифты в обществе ослабли. Соответственно, модернизация экономики и инновации не стали нормальным самоподдерживающимся явлением — как это происходит в обычной рыночной экономике. К сожалению, не общество и бизнес творят инновации и модернизируют себя, а государство распространяет свой патернализм «от пенсионеров к инновациям». Чем больше бюрократизация — тем выше нагрузка на руководство страны, которое пытается сверху ускорить процессы развития.

Скорость социально-экономических изменений замедлилась, коррекция сложившихся институтов идет с огромным трудом, прежде всего из-за сложившихся групп интересов. Существует проблема перехода от институтов рынка, сложившихся в хаосе переходного периода 1990-х годов, к верховенству закона — последнее, в принципе, должно бы указывать на благополучное завершение трансформации. Разумеется, законы должны быть адекватны характеру общества и стимулировать развитие — известно, что «тупое» исполнение чрезмерно жестких законов способно вызвать паралич.

Рента при адекватных институтах — ресурс для развития. Рента без адекватных институтов — угроза стагнации. Использование ренты без адекватных институтов рынка в нашей стране явно не дало толчка модернизации. Вместо этого пошли процессы огосударствления ряда управленческих функций в бизнесе, бюрократизация — и сверх того усиление роли государственных компаний. Это решало три задачи: удовлетворение интересов (рентоориентированных) крупного чиновничества; концентрация ограниченных ресурсов; имитация активной деятельности законодателя по решению проблем страны.

Важная проблема развития России — фактор времени. Уходит образованное поколение советской интеллигенции 1950—1960-х годов — со знаниями и «принципами», уходят советские бюрократы — с опытом управления в науке и производстве. На смену им приходят бюрократы новые, но владение компьютерами автоматически не сообщает человеку навыки работы с людьми, моральные принципы и трудовую этику. Хорошо образованная молодежь охотно эмигрирует — в сторону высокооплачиваемых вакансий на Запад и Восток. Инфраструктурные проблемы, в частности износ физических активов, становятся все более ощутимыми. Остается неудовлетворенным огромный спрос на восстановительные вложения не только в инфраструктуре, но и в добывающей промышленности, транспорте, городском хозяйстве.

Конкуренция различных секторов и отраслей экономики, социальной сферы за бюджетное финансирование становится со временем острее, предполагая и более острую конкуренцию между воспроизводством и модернизацией действующих фондов и новыми («чистыми»)

вложениями в развитие страны. Качество институтов, работающих в период до 2030 года, — это качество реформирования институтов в ходе текущего президентства. Дальше было бы важно иметь преемственность и устойчивость определенной линии в общественных делах, социальной политике и развитии экономики, без маятниковых колебаний и дезориентации бизнеса.

Различия интересов разных общественных групп зафиксировались. По мере изменения (улучшения) положения групп они адаптируют свое отношение к ситуации и свои запросы к новым условиям — «насыщения» не бывает, но происходит рост запросов. Борьба за собственность продолжается, запросы относительно бедных социальных слоев и регионов в плане финансовых ресурсов федерального бюджета растут — этот процесс бесконечен. Эти новые ресурсы придется производить в условиях острой мировой конкуренции.

4. Образ страны в будущем

Образ России в 2050 году — это некая мечта не только граждан страны, но и соотечественников за рубежом. Многие социологические опросы россиян выявляют проблемные области жизни страны. Здесь сегодня имеются большие проблемы — и именно над ними надо работать. Главное — это то, чего хотят студенты или их родители. На данный момент по опросам около 68% россиян с доходами выше среднего по стране хотели бы, чтобы их дети учились и работали за границей, а 37% хотят, чтобы их дети жили за границей постоянно. Пожилые люди (75%) в президенте видят «отца нации» (всего 20% против), а у молодежи (18—24 лет) мнения разделились поровну: 48% за и 48% против. Массовое восприятие будущего в высокообразованной стране, естественно, задает высокие социально-экономические стандарты. А большой процент детей элиты пребывает за границей, создавая у наблюдателей и внутри страны и за ее пределами сразу два образа: шального обращения с легкими деньгами у финансовой элиты и слабости политического класса, не готовящего себе наследников.

Будущее страны во многом определяет ее молодежь. К 2030 году достигнут 60-летнего возраста даже те, кому было всего двадцать в момент распада СССР, кто и не жил в советские времена, то есть те, кто вошел в состав правительства Д. А. Медведева в возрасте 40—50 лет. По сообщению «Эха Москвы», в рамках курса «Основы религиозных культур и светской этики» модуль «Основы православной культуры» выбрали 31,7% четвероклассников в целом по стране (23,4% по Москве, 9,5% по Санкт-Петербургу), «Основы исламской культуры» — 4% (1 и 0,07% соответственно), «Основы мировых религиозных культур» — 21% (28 и 38% соответственно), а «Основы светской этики» — 42,7% (47,4 и 52,6% соответственно). Им будет около 30 лет в 2030 году и около 50 лет в 2050 году — и их взгляды на мир окажутся в стране доминирующими.

Следует учесть и фактор масштабнейшей эмиграции — за последние десятилетия уехало примерно 2 миллиона представителей образованного среднего класса. Если мы хотим сохранить связь с образованными соотечественниками и рассчитывать на них в исторической перспективе, то мы должны создать условия и институты более развитого типа — фактически такие, в которых они теперь живут в развитых демократиях. Это трудно, но в основном совпадает с объявленными направлениями реформ. Важный вопрос обращен к правящей элите — к ее способности к компромиссу и единству ради развития страны. Амбиции любой элиты во многом определяет то, какой страна хочет себя видеть. Но средний класс может видеть мир и будущее иначе, и между ним и элитой должно быть выработано общее понимание будущего страны.

Три президента до 2030 года откроют много мостов, спустят на воду немало подводных лодок и даже авианосцев, проведут ряд олимпиад и крупных форумов — в этом нет никакого сомнения. Прокормить бедных, наверное, удастся, сохранить границы — тоже. До сих пор специфика нашей трансформации скорее уводила нас от европейской модели, в отличие от стран Центральной и Восточной Европы. Или мы сдвинемся к англо-саксонской модели, которой присуще высокое социальное неравенство, но и бóльшая вертикальная мобильность, — но уйдем ли от латиноамериканского социального неравенства, которое сложилось у нас за последние двадцать лет и которое мы в целом игнорируем? Россия имеет аргентинские параметры децильного распределения видимых доходов при высоком образовании и традициях эгалитаризма — крайне неудобное сочетание для достижения социально-политической стабильности. Проблема выхода страны из ловушки среднеразвитости при промежуточных институтах (в лучшем случае) — тяжелейшая задача, для которой не существует готовой теории.

На долю следующего поколения выпадают вполне простые вопросы: как будет развиваться гражданское общество, пойдет ли страна по инновационному пути развития, как будет чувствовать себя в своей стране интеллигенция, найдутся ли рабочие места, в том числе для возвращения молодежи по завершении учебы, станет ли бизнес инвестировать внутри страны, как будут судить судьи, чем мы сможем гордиться — вот самые важные из них. Что делать креативному классу — обслуживать бюрократию или генерировать инновации? Демократический выбор интеллигенции и среднего класса в целом в России сомнений не вызывает, но успех модернизации окажется зависимым от баланса сил в обществе и от адаптации правящей элиты. Выход в категорию развитых рыночных демократий потребует от России огромных усилий — не только материальных, но институциональных: модернизации общества и государства. Страна всё еще ждет реального снижения коррупции, контроля за чиновниками со стороны гражданского общества и СМИ.

Страна и общество будут меняться и со сменой возрастных поколений и в элите и в среднем классе будут формироваться заново — как

под воздействием извне (общие тренды развития и демократизации), так и в результате внутренних решений и действий. Минимум сытости и свободы информации и путешествий (и право на эмиграцию) удовлетворял поколения, прошедшие жизнь с дефицитом и очередями в СССР, а затем пережившие десятилетний переходный кризис 1990-х годов с падением ВВП на 43%. Этот минимум перестал соответствовать потребностям общества, в котором поколения до 40 лет не жили в СССР после школы и не работали в нем. Страна живет бок о бок с рыночными демократиями, экспортировала туда, как указывалось выше, около двух миллионов образованных людей (значительную часть своего среднего класса).

Тяжелая бюрократизация и высокая коррупция вызывают искреннее и вполне патриотическое раздражение гражданского общества — сколь бы слабым оно ни было. Новая норма для состоятельной и «чрезмерно образованной» части общества — это демократия без коррупции, независимая судебная система, личная безопасность; для бизнеса — это возможность инвестирования без опасности потери прав собственности, отсутствие рэкета; для многочисленных бедных слоев — это устойчивость реальных доходов, отсутствие произвола («справедливость»); для молодых — перспективы участия в общественных процессах и вертикальной мобильности в своей стране, а не в эмиграции.

Известная формула про «верхи, которые не могут, и низы, которые не хотят», видимо, уже применима у нас в мягком варианте. «Верхи» не могут достичь инновационного пути развития экономики без свободы социальных инноваций, защиты прав собственности, личной безопасности бизнесменов-инноваторов от рэкета и криминализации бизнеса. «Верхи» не могут запустить процесс развития посредством крупных, престижных инфраструктурных и иных проектов. «Верхи» не могут бесконечно откладывать модернизацию и зависеть от неустойчивого внешнего рынка нефти для финансирования важнейших государственных программ.

Социально-политические проблемы страны также сформировались и сами по себе уже не изменятся. Прошли четверть века трансформации, когда угроза возврата коммунизма играла какую-то роль на выборах и в процессе принятия решений. Теперь все придется доказывать сначала: демократию и изобилие как они есть, а не то, что их стало больше, чем при «старом режиме». Отсюда вытекают две проблемы: недовольство неимущих и недовольство образованных — очень разные по своей природе...

В зависимости от реальных условий меняется острота проблем и то, как реагирует на них правящая элита. Определенные крупные группы интересов должны быть удовлетворены. Социальное недовольство имеет различное происхождение: слои общества, причины, сроки действия. *Недовольство А* (средний класс — интеллигенция) функционирует в условиях ограниченной парламентской системы. Это нормально для страны с таким уровнем образования и информиро-

ванности. *Недовольство Б* (бедные) имеет огромную европейскую (и мировую) историю, другие причины и методы решения. В зависимости от типа развития страны два типа возможного недовольства могут влиять на распределительные решения властей и характер инвестирования в стране. Вряд ли можно ожидать покоя — общество вышло из трансформационного шока и предъявляет нормальные требования средне-развитой рыночной демократии, находящейся на старте перехода (будем надеяться) к развитой демократии, экономически и политически. Образованные «низы» (*недовольство А*) выразили свое недовольство посредством уличного протеста. В нем есть и потенциально растет протест бедных слоев против «несправедливости», которая на Руси объемлет все: от социального неравенства до «плохих бояр». Популизм живет не только в правительственных программах, в бедных регионах, но вновь выходит с требованиями на улицу. Уличный протест — как показали опросы участников «Марша миллионов» 15 сентября 2012 года — поляризуется и приобретает все более «европейский» характер — с усилением популистских требований. Формирование довольно широкой «уличной» оппозиции наряду с этим указывает, что многие привычные характеристики переходного периода исчерпали свой «запас исторической приемлемости». Это, конечно, не революция (рента пока кормит — защищая от *недовольства Б*), но «образованные низы» не хотят жить по-старому, а элита явно не может управлять как прежде и ищет опоры — больше на растущую бюрократию и бедные слои общества, нежели на бизнес и интеллигенцию.

В контексте данной работы важны две цели: существенное улучшение институтов для развития инициативы и инноваций бизнеса и создание в стране такого климата, при котором отсутствовали бы серьезные потери как от социальной борьбы, в форме забастовок, так и от чрезмерного роста социальных ожиданий. Россия может развиваться быстрее при более демократичном политическом режиме, повышении качества экономических институтов, которые принесли бы больше пользы, чем неэффективная мобилизация.

5. Ресурсная база и ограничения

Ресурсы страны достаточно ограничены в ключевых параметрах: труд, доступный кредит, менеджмент, технологии. Велики только внешние средства от экспорта нефти (и остального сырья и полуфабрикатов). Главное — создать за 5–6 лет институциональную базу и перейти к новому типу роста, переломить тенденцию к снижению сложности производства (во всяком случае, относительно соседей в Европе и Азии).

Состояние экономики России в 2012 году в целом не вызывает больших вопросов. Все постепенно «привыкают» (если не сказать — «смирились») к ожидаемым темпам роста в 3–4%. Структура производства, к сожалению, сложилась и «окаменела»: ВВП и доходы от

экспорта растут в основном вместе с объемами продукции и ценами на нефть, газ, металлы, продукты химии, лес и зерно. По мнению *Political Risk Atlas 2013*, Россия входит в число стран с высокими политическими рисками и с нестабильной бизнес-средой. Хотя мы внутри страны склонны скептически относиться к таким индексам, но приходится считаться с ухудшением имиджа. Вместо потока туристов и бизнесменов мы имеем сообщения о скандалах, коррупции и заказных убийствах.

Важнее всего, видимо, что норма накопления в течение подъема 2000—2007 годов оставалась на уровне 20%, вывоз сбережений (выплата долгов, вывоз капитала и создание резервов) большую часть периода составлял порядка 10 процентных пунктов ВВП. Россия сберегает как нефтяной экспортер и потом вывозит капитал (и в придачу — людей). Но страна инвестирует так, будто у нее не было провала в 1990-х годах. Российская норма сбережений намного выше нормы накопления — парадоксальный случай в экономической истории [Григорьев, Иващенко, 2011]. Были страны, которые модернизировались с помощью иностранного капитала. Но модернизация страны при 20-процентной норме накопления и при вывозе примерно 7—10% ВВП сбережений страны имеет мало шансов. Успех возможен лишь при отсутствии (полном) коррупции и невероятно высокой эффективности капиталовложений. Собственно говоря, низкая норма накопления 2000-х годов в стране — это и есть показатель весьма ограниченного успеха трансформационных реформ применительно к развитию.

«Мантры» мировых СМИ о необходимости иностранных инвестиций в России верны по существу, но относятся больше к управлению и технологиям: страна за десять лет высоких цен на нефть так и не изобрела способ использования своих собственных сбережений. Демонстрационные проекты — форумы и спортивные сооружения — остаются точечными, довольно дорогими и для многих специалистов и наблюдателей спорными по выбору приоритетов. Но главное — проблема строительства инфраструктуры, жилья, дорог, рекреации для двух третей населения страны, которые не ездят отдыхать за рубеж.

Вложения в обрабатывающую промышленность невелики, а в машиностроение — мизерны. Страна за период трансформации в большой мере стала зависеть от немецкого, японского и любого другого машиностроения. В общем, это не редкость в современном мире, но глубина и скорость деиндустриализации предыдущих двадцати лет феноменальны. Обновление оборудования в промышленности в любом измерении совершенно недостаточное. Инновации пока планируются в госкомпаниях, в энергетическом секторе и в «оборонке» (во многом на «старых советских запасах»). Но упускается неопределимая роль человека-инноватора, который далеко не всегда в состоянии работать как «творческий винтик» компании и нуждается в условиях для самореализации в собственной стране.

В табл. 3 показано, что правительство действует в соответствии с новым бюджетным правилом так, как если бы ожидало сохранения цены на нефть на среднем уровне за период 2007—2011 годов, то есть предполагая менее оптимистичный вариант в наших предпосылках. При ограничении госрасходов государство явно осознало угрозу внешних ценовых шоков. Два урока 1998 и 2008 годов оказались достаточны — макроэкономическая стратегия правительства в данном аспекте очевидна — избежать внешних шоков на бюджет. «Макрокошмар» дефицитов 1990-х годов и дефолта 1998 года и относительно удачный прорыв сквозь кризис 2008—2009 годов создали синдром глухой защиты от долгов и дефицитов. Это не сообщает российской экономике иммунитет к экспортным шокам, но в случае последних снижает угрозу пересмотров бюджета.

Бюджет на 2013—2015 годы (табл. 3) практически предопределяет макроэкономическую политику на первый (третий) президентский срок. «Силовики» сохраняют свою долю бюджета с учетом реформы МВД (при сокращении численности). Вложения в человеческий капитал сжимаются, что крайне неблагоприятно с точки зрения перехода к инновационному развитию.

Т а б л и ц а 3

Проект бюджета РФ на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов

	2011	2012	2013	2014	2015	2015 к 2011
Расходы (млрд руб.)	9352	11 108	11 612	11 697	12 128	+29,7%
Доли (%)						
Министерство обороны	11,2	11,8	11,7	8,9	8,7	+2,5
МВД	5,4	9,6	9,4	8,0	7,7	+2,3
МЧС	1,6	1,5	1,4	1,4	1,3	−0,3
Сумма «силовики»	18,2	23	22,5	18,3	17,8	−0,4
Министерство финансов	40,9	39,9	42,0	48,5	50,5	+9,6
Образование, наука, здравоохранение, юстиция, культура	8,3	7,7	7,0	6,2	5,8	−2,5
Расходы прочих ведомств	32,5	29,4	28,5	27,0	25,8	−7,7
ВВП (млрд руб.)	54 369	59 750	67 360	74 086	81 761	+50,4
Доля расходов в ВВП (%)	17,2	18,6	17,2	15,8	14,8	−2,4

Источник: Министерство финансов РФ (проект от 24.09.2012).

Российский послекризисный бюджет и его перспективы до 2015 года носят ярко выраженный социальный характер. Министерство финансов само распределяет растущую с 40 до 50% долю расходов — на пенсии, различные трансферты регионам и т. п. Практически это означает, что процесс сколь-либо расширенного накопления в стране возможен только в частном бизнесе, в государственных компаниях либо в сфере иностранных инвестиций — по форме все они относятся к коммерческому сектору и должны быть рентабельны. Государство может обеспечить лишь льготы с налогов или «благоприятный кли-

мат». В целом — это «бюджет меланхолика»: на внезапный рост активности бизнеса снизу расчета нет, а внешняя рента рассматривается как рискованная и сберегается на случай следующего бюджетного шока.

Фактически это означает, что инвестиции в развитие в ближайшие годы — дело коммерческих компаний (включая государственные) — на свои средства или на заемные. То есть нефтяная рента осталась только для решения социальных проблем и финансирования обороны. Нужны новые частные инвестиции — рост государственных вложений в значимых объемах не предвидится: по данным Минэкономки, в 2005—2008 годах госинвестиции (по всей бюджетной системе) находились в диапазоне 3,5—3,8% ВВП, а в 2012—2015 годах будут лежать в диапазоне 3,4—3,5% ВВП.

В мировой экономике из обычных 22—24% ВВП нормы накопления на энергетику приходится примерно одна двадцатая, а в России это порядка одной пятой и более. Экспорт 5% мирового объема энергоресурсов — это прежде всего огромная ответственность за глобальную энергобезопасность. Доходы от нефти (газ в меньшей степени) одновременно составляют в последние годы до половины бюджета РФ. Финансовый сектор остается слабым — по существующим нормам даже крупнейшие банки не могут финансировать действительно значимый проект. Россия остается единственной крупной страной, в которой существует и действует закон о «блокирующем» пакете акций. Этот закон практически привел к попыткам скупки главным владельцем акций до 75%, к ряду корпоративных конфликтов. Это обстоятельство, даже если не брать в расчет иные препятствия, существенно затрудняет возможность создания в России финансового центра. Отсутствие развитого внутреннего рынка облигаций объясняется неустойчивой правовой средой — это банки исторически более адаптивны и могут работать с самыми разными клиентами. Слабость частного финансового сектора постоянно выпадает из поля зрения — без него трудно финансировать инвестиционный бум с помощью национальных сбережений — без «карусели» через зарубежные центры.

Иностранные прямые инвестиции вряд ли могут превосходить 1—2% ВВП — то есть вряд ли превысят одну десятую от общего объема накопления в стране. На данный момент в России действует не слишком здоровая модель ввоза и вывоза капитала. Вывоз идет в форме прямого капитала, который частично возвращается как иностранный. Но в большей мере капитал приходит через банковский сектор и биржу как портфельный, будучи подвержен конъюнктурным волнам. Но даже если удастся привлечь в страну именно прямые инвестиции — непосредственно в компании, важно понимать, что потенциально возможный бум внешних вложений в Россию — это лишь усилитель, а не заменитель собственных капиталовложений и реинвестиций внутренних сбережений.

Население страны, согласно демографическим прогнозам, будет сокращаться со скоростью порядка 0,7 миллиона в год — полностью

компенсировать естественную убыль не удастся. Показатели эти достаточно схожи с демографией Италии и несколько лучше украинских, но создают проблемы для роста. Иммиграция русскоязычного населения на постоянное место жительства в основном исчерпана. Настало время аккуратно формировать условия использования иностранной рабочей силы, создавать привлекательный образ жизни для тех, кто готов жить и работать здесь. Страна экспортирует высокообразованные кадры и привлекает «синие воротнички». «Домашние» методы повышения рождаемости вызывают критику демографов. Повышение коэффициентов рождаемости — чрезвычайно трудное дело после «второго демографического» перехода. С точки зрения сохранения и увеличения национального человеческого капитала критически важным является увеличение рождаемости в городах среди образованного населения с тем, чтобы сохранить прямую внутрисемейную передачу образования, трудовых навыков и морали среднего класса. Для сохранения трудоспособного населения важно снизить «сверхсмертность» вследствие ДТП, алкоголизма, отравлений, прочих несчастных случаев — здесь отмечаются огромные потери, особенно среди мужчин в трудоспособном возрасте.

При сокращении собственной рабочей силы потребуются увеличение доли приезжей рабочей силы, создание цивилизованных условий для ее проживания, адаптации. Мы полагаем, что фактически в нашей стране следует ориентироваться на четыре условных типа образа жизни. Первый — образ жизни «новых русских», который раздражает всех и в стране, и в мире, кроме них самих и элиты. Второй — образ жизни 20—25% населения — устойчивый средний класс, который нуждается в свободе инноваций, демократии, открытых вертикальных лифтах. Третий — устойчивая модель жизни для людей невысокого достатка с понятными им перспективами карьеры, здравоохранения и старости. Наконец, четвертый — нормальный образ жизни для миллионов иммигрантов — что, кстати, будет важно в будущем для мировой конкуренции.

Огромный запас национальных трудовых ресурсов лежит в сфере повышения личной безопасности граждан, судов и сил правопорядка. По последним оценкам, в охранных организациях работают больше людей — от 800 тысяч до полутора миллионов (мужчин в трудоспособном возрасте), чем в армии, из которой они, собственно, и рекрутируются в города и на предприятия, — это также явный резерв трудовых ресурсов.

Тема бюрократии и ползучего огосударствления бизнеса, усиления регулятивного давления стала сегодня одной из ведущих в бизнесе и обществе. У нас одновременно идут три процесса: принимаются законы прямого действия, которые невозможно аккуратно интерпретировать; происходит искусственная криминализация бизнеса по «спорным» статьям уголовного кодекса; продолжается непрерывное законотворчество, выпуск и смена инструкций ставят граждан и биз-

нес в положение виноватых по второстепенным бюрократическим причинам или по незнанию, повышая градус недовольства.

Бизнес оказывается в роли поставщика средств при феодализации деловых процессов. Резкий сдвиг в интересах молодежи за последнее десятилетие от бизнеса к госслужбе (едва ли не единственный случай в развитом мире) указывает на процессы торможения индивидуальных инноваций в пользу инноваций бюрократических. Важной проблемой стала уже борьба за ренту: создание рентообразующих факторов — захват ренты — удержание ренты. Это относится ко многим уровням государственного аппарата, в том числе в регионах. Естественно, это сдвигает приоритеты бизнесменов и рядовых граждан. В целом это, безусловно, тормозит инновационный процесс. Данная ситуация создает серьезный стимул для бизнеса перебазировать часть средств за рубеж в качестве страховки, укорачивает горизонты планирования и инвестирования, снижает готовность к коммерческим рискам на фоне рисков «рейдерских и бюрократических».

6. Сценарии развития: институты против нефтяной ренты

В современном мире внутренние правовые и экономические институты определяют эффективность развития экономики, положение страны, степень влияния, способность воздействовать на среду в целях обеспечения более удобных условий для перехода к инновационному развитию. В теории с этим все уже согласны — одних ресурсов недостаточно. Для России важно прежде всего использование человеческого капитала и потенциала предпринимательства против опоры на всё более рискованный в долгосрочном плане вариант развития, основанный на сырьевой ренте. Это предполагает ускоренное инновационное развитие самой России, чтобы не только обеспечить соседям рынок для их товаров, но и предложить на экспорт нечто большее, чем энергоносители.

Риск российских программ — в запаздывании решений и в невысокой эффективности реализации. Коррупция не только снижает эффективность, но и делает Россию объектом подковерной борьбы в ущерб ее долгосрочным интересам. Два потерянных десятилетия позволили решить лишь самые элементарные трансформационные проблемы (касающиеся личного потребления), но не осуществить модернизацию хозяйства. Наверстать утраченное время сложно. Создание институционального базиса — это обеспечение саморазвития, а не развития «по приказу сверху».

Успех в модернизации России по инновационному пути на стартовом базисе, которым страна реально располагает, возможен для стабильного движения к более высокому уровню. Речь идет по сути о присоединении (при родстве культуры и ценностей) к развитым демократическим странам, но при сохранении независимости и самобытности. Это предполагает единство и стабильность внутри политической и финансовой элит, сосредоточение их усилий на обществен-

ных целях, а не на внутренних конфликтах, характерных для ранних стадий формирования общества. Промедление с выбором типа, целей и инструментов модернизации означает потерю времени и подрыв важной цели для элиты (во всяком случае — элиты интеллектуальной) и общества — обеспечение положения страны как великой научной и культурной державы с развитым гражданским обществом.

В целях построения сценариев мы агрегировали две крупные группы факторов, состоящие из многих важных, но взаимосвязанных компонентов. Одна группа — это «ресурсы страны» до 2030 года с неизбежным выделением нефти как главного источника внешней ренты. Поскольку колебания цен на металлы, продовольствие и энергоресурсы в силу определенных обстоятельств стали достаточно синхронными, мы можем считать нефтяные цены условным показателем, но при этом адекватным индикатором роста всей российской экономики (сырье и полуфабрикаты формируют около 90% экспорта).

Вторая группа — это институты в широком смысле слова. Здесь трудно разделить тонкое взаимодействие коррупции, незащищенности прав собственности, либерализма и рейдерства. Фактически мы условно приписываем инвестиционному климату и притоку капитала способность отражать состояние институтов. Условность такой постановки вопроса ничуть не выше, чем обычные проектировки притока инвестиций или оценки институтов рынка в России. Для создания сценариев мы применяем простой прием построения матрицы от двух факторов:

- ни ренты, ни институтов — вынужденная меланхолия и низкие темпы роста и модернизации;
- налаженные институты плюс рента — жизнь сангвиника с высоким ростом и модернизацией;
- институты без ренты — флегматичная жизнь и трудовая модернизация;
- рента без институтов — близко к нынешнему холерическому состоянию с бесконечными потрясениями.

Две основные (агрегированные) неопределенности влияют на траекторию развития России к 2030 году. Во-первых, мы исходим из высокой нефтяной ренты до 2018 года. Во-вторых, неопределенностью является возможность создать за эти годы инвестиционный климат, обеспечить верховенство закона, преодолеть коррупцию, укрепить права собственности. Мало объявить об улучшении и «разрезать ленточку» — нужны позитивные сдвиги, способные убедить бизнесменов взять на себя риск инвестиций внутри страны, а не строить запасной аэродром за рубежом. Наши граждане, в том числе бизнесмены, — люди, уставшие от посулов «светлого будущего», они хотят «институты сегодня».

По существу, это оставляет нам в плане действий всего два базовых варианта: институциональные реформы или их отсутствие. Если реформы пройдут в обозримом будущем, то в последующем различие вариантов «сангвиник» и «флегматик» будет относиться к размерам ренты, а не к характеру развития. Оба случая устойчивы и пред-

полагают динамичное развитие при различных внешних условиях. Соответственно, различия между высокой и низкой, колеблющейся рентой — предмет заботы прежде всего денежных властей, а не драма выживания экономики, финансовой и политической элиты, как это сравнительно недавно дважды случалось.

Иная ситуация с отсутствием институциональных реформ при неустойчивости рынка. Воздействие нефтяной ренты на нашу экономику в нынешнем состоянии достаточно велико и задокументировано — оно не требует особой детализации. Нам достаточно указать на то, что значительный перепад в ренте немедленно бьет по социальным и даже по оборонным расходам.

Важная проблема — состояние общества и элит в разных сценариях. «Капитальный ремонт» институтов рынка предполагает определенное единство элит, переход от краткосрочного горизонта к долгосрочным скоординированным действиям. Этот подход выглядел предпочтительным и в 2000, и в 2008 году. Но времени и ресурсов было потеряно за эти годы много — скорее следует говорить о том, что впереди «вторая трансформация» для выхода на магистраль мирового инновационного развития. Элиты обычно сплываются перед общей опасностью, особенно когда она реальна и очевидна. Гораздо сложнее сплотиться ради максимизации долгосрочных выгод, да еще и на условиях, которые могут восприниматься каждым кланом как уступка или потеря. Важно, чтобы элита осознала как угрозу себе не медленный рост, а деинтеллектуализацию (утечку умов, падение сложности продукции, бюрократизацию и т. д.) страны. Компромисс элит на три президентства — это шанс для всей элиты обеспечить прогресс страны и устойчивость своих собственных позиций [Григорьев, 2012].

Анализ сценариев требует не только определенной точности, но и системы образов для удобства дискуссии. Экономика страны в 2030 году может развиваться по нескольким вариантам. Они построены по простому принципу — Швейцария («сангвиник») — это прорыв по части институтов и эффективное использование относительно высокой ренты. Два близких по результатам варианта (по ВВП на душу) — Южная Корея («флегматик») с хорошими институтами и низкой рентой и Франция («холерик») с высокой рентой и слабыми институтами — на самом деле глубоко различны по содержанию развития и по характеру экономики и социальной жизни.

Отсутствие обоих положительных факторов — высокой ренты (снижение свободных средств бюджета и компаний) и серьезного улучшения деловых институтов — в стране в целом не ведет к стагнации, но и не решает проблем страны при минимальных критериях успеха. Условно это приводит Россию в 2030 году к достижению уровня Чехии 2011 года («меланхолик»). В историческом плане 26,6 тыс. долл. — это очень хороший уровень развития, на котором обычно стихают споры между рынком и социализмом, укрепляется средний класс, происходит определенное выравнивание социальной структуры (в Европе).

«Оптимальным» вариантом является, очевидно, проведение реформ на первом этапе, что обеспечивает реализацию сценариев «флегматик» или «сангвиник», снятие рисков внешних шоков, качественное повышение уровня развития экономики и социальной жизни. При наличии достаточного ресурсного обеспечения — это выход на очень высокий уровень развития. ВВП на душу населения современной Швейцарии — более 43 тыс. долл. по паритету покупательной способности. В мире в 2010 году было всего девять стран (например, США и Норвегия) с ВВП на душу выше 36 тыс. долл. Этот успех позволил бы решить и проблемы неравенства, и региональные противоречия, а также воссоздать науку. Но такой вариант рассчитан на основе предположения о практически бескризисном росте в течение почти двух десятилетий с темпом прироста ВВП выше, чем у среднеразвитых стран за 1992—2010 годы. Будем осторожны в том, чтобы рассчитывать на это как на вероятный вариант — скорее как на максимально возможный. И нам предстоит продумать масштаб и структуру реформ, необходимых для его обеспечения.

7. Цели трансформации экономических институтов

Применительно к рыночной экономике основные институциональные требования представляются очевидными — они сформулированы не только учеными, но и обществом и бизнесом: независимость судов; уважение к правам собственности; ограничение вмешательства государства в экономику до разумного предела, ликвидация «провалов рынка»; развитие конкуренции; контроль общества (СМИ) над чиновничеством (проблема коррупции); развитие различных видов собственности (проблема государственного капитализма); создание стимулов для самостоятельного эффективного развития регионов с различным уровнем развития.

Можно сказать, что для реализации мечты периода старта реформ и начального энтузиазма — перехода к развитому демократическому рыночному хозяйству как к магистральному пути — понадобится «вторая трансформация».

Разумеется, принципиальные вопросы макроэкономики и расходования бюджетных средств, в том числе выбор между вложениями в человеческий капитал и в оборонный комплекс, несут колоссальную институциональную нагрузку. В «Программе-2020» много места уделено пенсионной системе, качеству государственных услуг и электронному правительству. Но мы не пишем развернутую экономическую программу и не можем вступать в детальную дискуссию по тем или иным действиям министерств. Мы не обсуждаем конкретный набор рекомендаций для отраслей или сфер деятельности граждан, деловой активности или государственного управления.

Ключевой для нас вопрос — какой российская экономика должна стать и какой она может прийти к 2030 году. Необходимо создание

официального или общепризнанного образа России в будущем — скажем, России 2050 года, который служил бы как ориентиром при принятии стратегических решений, так и критерием оценки успехов и достижений. Такая программа должна была бы не только дать ответы на трудные вопросы, недостаточно разработанные в правительственных документах, но, более того, разрешить масштабные философские проблемы жизни страны и общества.

Существующие программы и предлагаемые меры поданы таким образом, словно в России вовсе отсутствуют серьезные институциональные проблемы, препятствующие развитию рынка и росту эффективности. Периодические пересмотры состояния дел в макроэкономике, социальной (пенсионной) сфере, региональном развитии и т. п. представляют собой нормальные для любой страны процедуры. Естественно, для каждой масштабной проблемы есть свои группы интересов, свои потенциально выигравшие и проигравшие, так что отсутствие многих проблем в программах может отражать сложности их решения в плане удовлетворения различных групп интересов, а не с точки зрения технократических инструментов.

Что отличает российский капитализм от «Цивилизованного капитализма (ОЭСР)» и о чем мы обычно умалчиваем, сосредотачиваясь на бесконечных дебатах о курсе рубля, тарифах ЖКХ, инфляции, авариях и коррупции? Нам представляется, что есть небольшой, но весьма неприятный набор проблем, который и делает наши экономические институты непригодными для развития, капиталовложений, инноваций и модернизации, социальной устойчивости, политической демократии [Григорьев, 2005; 2011]. Речь идет прежде всего о беспрецедентно неравном распределении собственности (сверхконцентрированной и спрятанной в офшорах); о латиноамериканском доходном неравенстве (аргентинские параметры и слабые вертикальные лифты); о низкой конкуренции; об огосударствлении бизнеса и коррупции; о высокой ориентированности на ренту вместо предпринимательского дохода — причем обо всех этих проблемах одновременно.

8. Институциональные проблемы страны

Необходима серьезная трансформация общества — в сфере ценностей, морали; установка на действия в пользу общественного блага как нормы. Фундаментальными остаются вопросы о национальной идентичности, о господстве права и демократии, о ключевой роли русской культуры, о сохранении и развитии русского языка, о роли интеллектуальной элиты в обществе. Необходимо изменить общественные установки, переориентировав их на инновации, предпринимательство — с установок на ренту. Необходимость судебной реформы признается сегодня практически всеми. Суть дела — в гарантии независимости судов, в обеспечении гражданам, фирмам и иностранным инвесторам и экспертам уверенности в том, что судить будут по закону.

Ключевым моментом является верховенство закона и управление по закону. Обеспечение верховенства закона для всех — проблема раннего капитализма, актуальная для России и существенно контрастирующая с уровнем образования ее населения. Только качество и совершенствование законов и правоприменения помогут вывести бизнес из-под угрозы искусственной криминализации и фактического подрыва малого и среднего предпринимательства. Целесообразно радикально разделить государственное управление и бизнес, в частности в регионах и городах, сократить государственное вмешательство в экономику. Необходимо сдерживать бюрократизацию экономической жизни; модернизация государственного аппарата, не ограничивающаяся лишь переходом к электронной форме предоставления услуг, выступает одной из первоочередных целей, причем противодействие превращению коррупции в норму жизни вместо того, чтобы выродиться в кампанейщину, должно стать национальной задачей для гражданского общества, решение которой обеспечит снижение издержек, связанных с коррупцией, для граждан, фирм и бюджета. Конкуренция является важнейшим элементом рыночной экономики и способом борьбы с рентоориентированным поведением.

9. Социальные вопросы

В социальной сфере главное — забота об основных факторах создания человеческого капитала — семьях, учителях, а также осторожность в реформах образования и других важных социальных сфер. Необходимо увеличение и повышение эффективности общественных расходов на человеческий капитал. Значимость среднего класса для укрепления социальной стабильности отмечают все, но его объективные интересы даже не обсуждаются. Важна политика постепенного преодоления посттрансформационного («латиноамериканского») неравенства, в частности путем не столько перераспределения, сколько высвобождения сил рынка, развития предпринимательства, поддержания вертикальных лифтов в обществе. Невозможно поступательное движение без социальных инноваций, без развития гражданского общества как носителя прогресса. Должна быть ясность в формировании образа жизни большинства — осознание того, чего именно семья может надеяться достичь за свою жизнь — своими усилиями, без эмиграции. Достижение взаимопонимания, единства элит, демонстрация элитами и политическим классом ответственного поведения по отношению к государству, собственности, семьям, готовность взаимодействовать как между группами элит внутри страны, так и с зарубежными элитами, с гражданским обществом — необходимые условия достижения целей развития страны и реальные методы решения проблем. Смена поколения элит в будущем должна отражать необходимость «стационарного» подхода к управлению государством — переходная эпоха «захватов и рейдерства» должна уйти в прошлое.

Современная экологическая политика, сохранение природного разнообразия, участие в мировом сотрудничестве по решению глобальных проблем (климат, продовольствие, вода, бедность) могут и должны, как и во всем мире, выйти на передний план — это признак развитой демократии. Демографическая и трудовая политика с учетом реалий страны должна включать повышение качества жизни в городах и создание условий для расширения семей, а также сокращения смертности от различных «неестественных» причин. Нуждаются в поддержке образованные женщины, которые передают знания дома на порядок эффективнее дошкольных учреждений и формируют в семьях национальную идентичность, культуру и трудовую мораль.

10. Региональное развитие

В региональном развитии необходимы стимулы к самообеспечению. Требуется стимулирование собственной работы регионов, а также муниципальная реформа. Федеральные усилия по перераспределению средств должны стимулировать регионы переходить от иждивенчества к развитию.

Можно предложить множество значимых экономических проектов как в отраслевом, так и в региональном плане. Важно обеспечить их эффективность, поддержку бизнесом и обществом. Инновации потребуют не только средств крупных (государственных) компаний, но и активности малого и среднего бизнеса, который нуждается в организационном и налоговом стимулировании. Инновации — дело добровольцев, а не приказ сверху. Развитие Юга России и Дальнего Востока и Забайкалья предполагает последовательность действий государства как во вложениях, так и в обеспечении их эффективности. Представляется необходимой программа возрождения Центральной России, исторического центра «Московии», где проживает основная масса населения страны, до уровня, характерного для исторических центров любого европейского государства. Транспортная стратегия — приближение периферии к центру, развитие связей между центрами и разгрузка центра, увязка с национальной системой рекреации.

Энергетический сектор вообще выпадает из всех программ реформ, оставаясь «священной коровой». Сложность сектора, производящего 10% мировой энергии, необычайно велика, поскольку смесь различных форм собственности, управления, регулирования превосходит здесь любую теорию. Естественно, пора обновлять энергетическую стратегию России с учетом новых мировых тенденций и задач повышения энергоэффективности в стране. Для этого понадобится вывести из взаимной изоляции разного рода программы и увязать внутренний спрос на энергоносители, конкуренцию различных видов топлива, рост энергоэффективности и потребности экспорта.

Задача развития на 2030 год не может быть сведена к обеспечению благосостояния трудящихся, пенсионному обеспечению, социально-

политической устойчивости. Развитая рыночная демократия — это общая, понятная цель, но есть также необходимость наверстать два десятилетия переходного периода, кризисов и потерь. Модернизация и переход к инновационному развитию — как лозунг — носят очень общий характер и нуждаются в раскрытии. Нужны позитивные цели для основных групп граждан — вопрос об оптимуме невозможен без субъекта — граждан страны, причем очень разных. В этом отношении главное не забывать, что объединяющие лозунги и символы — чрезвычайно важная часть стратегий (особенно с претензией на харизму). Цели могли бы сдвинуть общественное сознание в направлении единых позитивных действий. Но общественное сознание формируется своей собственной логикой развития, прежде всего — историей и воспитанием, зависит от сложившихся символов, но еще более — от реалий жизни различных слоев населения. Вот почему удачный набор символов может оказаться малоэффективным, если не произойдет трансформация в самой экономике (в базисе). После четверти века надежд и разочарований многих слоев общества даже самые заманчивые лозунги не смогут обеспечить мобилизацию «ради идеи» при отсутствии существенного, видимого и осязаемого прогресса в реальной жизни.

Стратегия долгосрочного развития страны до 2050 года могла бы стать привлекательным ориентиром для общества, для граждан, а не набором «контрольных показателей» для ведомств. Положение страны в будущем — это и состояние умов, возможность гордиться не только историей, но и тем, что будет создано в течение двух предстоящих десятилетий. Новый имидж страны как развитой демократии станет важнейшим положительным стимулом для привлечения инвестиций.

Необходимо учесть различия мотиваций основных групп интересов в долгосрочном плане, а также определить пределы возможного роста благосостояния для снятия чрезмерных ожиданий. Картина национального будущего 2050 года — прекрасный повод для диалога элит и властей с гражданами, особенно с интеллигенцией и бизнесом.

Леонид ГРИГОРЬЕВ, ординарный профессор, заведующий кафедрой мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (109028, Российская Федерация, Москва, Покровский бульвар, д. 11, К-609), главный советник руководителя Аналитического центра при Правительстве РФ (107078, Москва, Российская Федерация, пр-т Академика Сахарова, д. 12). E-mail: lgrigor1@yandex.ru.

Сценарии развития и экономические институты

Аннотация

Сложившиеся в России общество, экономика и государственные институты имеют свои корни в экономических институтах, сформировавшихся за четверть века трансформационного периода. Внешние факторы развития российской экономики на ближайшие десятилетия становятся все более рискованными с точки зрения

именно качества роста. Сочетание высокого уровня образования населения, сокращения числа трудоспособных граждан, эмиграции «умов» на рынки развитых стран с большими социальными и региональными диспаритетами делает ситуацию в экономике еще более сложной. Модернизация экономики, переход к инновационному развитию страны зависят не столько от технологических сдвигов, сколько от характера действия институтов. Трудности развития естественным образом сочетаются с ростом требований основных социальных групп на новом уровне. Мобилизация «ради идеи» теперь затруднительна — нужны наглядный успех в реальной жизни и перспектива. Успех модернизации зависит фактически от «второй трансформации» с выходом на магистральный путь развитого демократического рыночного хозяйства, на который надеялись выйти еще при старте реформ. Это могло бы стать основанием для разработки и общественной поддержки долгосрочной стратегии развития на два поколения вперед.

Литература

1. Верховенство права как фактор экономики / Под ред. Е. В. Новиковой и др. М.: Мысль, 2013.
2. Григорьев Л. Проблемы собственности: от перестройки до передела // Пути России: двадцать лет перемен / Под ред. Т. Ворожейкиной. М.: МВШСЭН, 2005.
3. Григорьев Л. Конфликты интересов и коалиции // Pro et Contra. 2007. Т. 11. № 4—5. С. 104—117.
4. Григорьев Л. Экономика переходных процессов; в 2-х т. М.: МУМ, 2010.
5. Григорьев Л. Собственность и контроль — 20 лет спустя // ЭКО. 2011. № 7. С. 60—73.
6. Григорьев Л. Спрос элиты на право: «эффект трамвая» // Вопросы экономики. 2012. № 6. С. 33—47.
7. Григорьев Л., Иващенко А. Мировые дисбалансы сбережений и инвестиций // Вопросы экономики. 2011. № 6. С. 4—19.
8. Григорьев Л., Морозкина А. Экономики разные — проблемы общие. БРИКС — время для консолидации // Россия в глобальной политике. 2013. № 2. С. 26—39.
9. Гурвич Е. Долгосрочные перспективы российской экономики // Экономическая политика. 2013. № 3. С. 7—32.
10. ИНСОР. Стратегии социально-экономического развития России: влияние кризиса. М., 2009.
11. ИНЭИ РАН. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года / ИНЭИ РАН; Аналитический Центр при Правительстве РФ. М., 2013.
12. Мау В. Российская модернизация: третья фаза // Газета.ру. 2005. 12 июля.
13. Мау В. Между модернизацией и застоем: экономическая политика 2012 года // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 4—23.
14. СИГМА. Коалиции для будущего. Стратегии развития России / Под общ. ред. И. Юргенса. М.: Промышленник России, 2007.
15. Доклад о состоянии делового климата в Российской Федерации / Под ред. А. Шаститко; РСПП. М., 2008.
16. Ясин Е. Институциональные ограничения модернизации, или Приживется ли демократия в России? // Вопросы экономики. 2011. № 11. С. 4—24.

Leonid GRIGORIEV, Tenured Professor, Head of the Department of World Economy, Faculty of International Economy and World Policy of HSE NRU (K-609, 11, Pokrovsky blvd, Moscow, 109028, Russian Federation), the chief advisor of the head of the Analytical Center of the Government of the Russian Federation (12, Academician Sakharov av., Moscow, 107078, Russian Federation). E-mail: lgrigor1@yandex.ru.

Scenarios of Development and Economic Institutions

Abstract

By now Russian society, economy and state institutions has roots largely in the economic institutions formatted in the quarter a century of transition. External factors for the Russian economy are getting more risky for next decades, especially in terms of the quality of growth. Situation is even more difficult due to combination of reducing the work force, “brain drain” to emigration (to OECD countries) and the huge social and regional disparities. Modernization of the economy, shift to innovative type of development depends more on institutions than on the technology. Difficulties of development meet naturally another issue of the growing aspirations and demands of major social groups. New mobilization “by idea” now is problematic – it would take the visual success in reality and certainty of prospects. Success of modernization depends actually on “second transformation” to reach a highway of developed democratic market economy, what was the objective when reforms started. This approach could be the ground for creating and public support for long-term strategy of development for next two generations.

References

1. Novikova E.V. et al. *Verkhovenstvo prava kak faktor ekonomiki*. [The rule of law as a factor in the economy] Liberal'naia Missiia, Mysl', Moscow, 2013.
2. Grigoriev L. Problemy sobstvennosti: ot perestroiki do peredela [The problem of property: from perestroika to repartition]. In: Vorozheikina T. (ed.) *Puti Rossii: dvadtsat' let peremen* [Russian way: twenty years of change]. Moscow: MVShSEN, 2005.
3. Grigoriev L. Konflikty interesov i koalitsii [Conflicts of interest and coalitions]. *Pro et Contra*, 2007, vol. 11, no. 4-5, pp. 104-117.
4. Grigoriev L. *Ekonomika perekhodnykh protsessov* [Transitional economy]. In 2 vols. Moscow, MUM, 2010.
5. Grigoriev L. Sobstvennost' i kontrol' - 20 let spustia [Ownership and control - 20 years later]. *EKO*, 2011, no. 7, pp. 60-73.
6. Grigoriev L. Spros elity na pravo: effekt “tramvaia” [The demand for the right of the elite: the effect of the tram]. *Voprosy ekonomiki*, 2012, no. 6, pp. 33-47.
7. Grigoriev L., Ivashchenko A. Mirovye disbalansy sberezhennii i investitsii [Global imbalances in savings and investment]. *Voprosy ekonomiki*, 2011, no. 6, pp. 4-19.
8. Grigoriev L., Morozkina A. Ekonomiki raznye - problemy obshchie. BRICS - vremia dlia konsolidatsii [Economies are different but problems are common. BRICS - the time for consolidation]. *Rossia v global'noi politike*, 2013, no. 2, pp. 26-39.
9. Gurvich E. Dolgosrochnye perspektivy rossiiskoi ekonomiki [Long-term prospects of the Russian economy]. *Ekonomicheskaya politika*, 2013, no. 3, pp. 7-32.
10. INSOR. *Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Rossii: vliyanie krizisa* [Strategy for socio-economic development of Russia: the impact of the crisis]. Moscow, 2009.
11. INEI RAN, Analiticheskii Tsentr pri Pravitel'stve RF. *Prognoz energetiki mira i Rossii do 2040 goda* [Forecast of World Energy and Russia until 2040]. Moscow, 2013.
12. Mau V. Rossiiskaia modernizatsiia: tret'ia faza [Russia's modernization: the third phase]. *Gazeta.ru*. 2005. July 12.
13. Mau V. Mezhdumodernizatsiei i zastoem: ekonomicheskaya politika 2012 goda [Between modernization and stagnation: Economic Policy in 2012]. *Voprosy ekonomiki*, 2013, no. 2, pp. 4-23.
14. SIGMA, Yurgens I. (ed.). *Koalitsii dlia budushchego. Strategii razvitiia Rossii* [Coalitions for the future. Russia's Development Strategy]. Moscow: Promishlennik Rossii, 2007.
15. Shastitko A. (ed.), RSPP. *Doklad o sostoianii delovogo klimata v Rossiiskoi Federatsii* [Report of the state of the business climate in the Russian Federation]. Moscow, 2008.
16. Iasin E. Institutsional'nye ogranicheniia modernizatsii, ili Prizhivetsia li demokratiia v Rossii? [Institutional constraints of modernization, or whether democracy take root in Russia?]. *Voprosy ekonomiki*, 2011, no. 11, pp. 4-24.